

Объ условіяхъ возникновенія религіозной вѣры ¹⁾.

Есть старая индійская сказка, рассказывающая о томъ, какъ слѣпымъ было поручено описать слоновъ. Приведенные въ помѣщеніе, гдѣ стояли слоны, слѣпые стали ихъ ощущивать, причемъ одни изъ слѣпыхъ ощупали ноги, другіе—животъ, третьи—уши, четвертые—хоботъ слоновъ и вслѣдствіе этого одни изъ слѣпыхъ описали слоновъ, какъ похожихъ на столбы, другіе описали ихъ, какъ похожихъ на громадныя чаны, третьи сравнили ихъ съ мохнатыми простынями и наконецъ четвертые утверждали, что слоны очень похожи на канаты. Слепые горячо заспорили между собою о томъ, кто изъ нихъ правъ въ своемъ описаніи, и каждый считалъ себя исключительно и безусловно правымъ. Въ этомъ мало правдоподобномъ рассказѣ скрывается глубокое назиданіе для лицъ, произносящихъ судъ надъ различными религіозными и философскими ученіями. У людей нѣтъ чувства, которому истина открывалась бы непосредственно, и они судятъ о сущности по явленіямъ и о причинахъ по результатамъ, а такъ какъ Первоверховная Причина произвела многообразные виды бытія, и такъ какъ сущность бытія открывается въ безконечномъ разнообразіи явленій, то понятно, что различныя лица, обращая вниманія на различныя группы явленій, составляютъ себѣ совершенно различныя и противоположныя воззрѣнія на

¹⁾ Лекція, читанная 17 августа 1892 г. студентамъ Московской духовной Академіи въ присутствіи отца ректора и гг. членовъ совѣта Академіи.

сущность и изначальную Причину этихъ явленій. Помня это, лучшіе изслѣдователи философскихъ ученій мало заботятся о томъ, чтобы осудить ученія, и много трудятся надъ выясненіемъ ихъ генезиса. Иногда различіе условій, при которыхъ составлялись ученія, легко объясняетъ и различіе самыхъ ученій. Нетрудно понять причины различія системы Канода и ученія Аристотеля, религіи Будды и религіи Магомета, но гораздо труднѣе понять то часто встрѣчающееся явленіе, что у тѣхъ или иныхъ мыслителей при приблизительно одинаковомъ запасѣ и уровнѣ познаній, при приблизительно равной логической силѣ мышленія, выводы, къ которымъ они приходятъ, являются совершенно различными. Возникаетъ вопросъ: почему однѣ и тѣже послышки приводятъ различныхъ лицъ къ различнымъ выводамъ? Характеръ и уровень познаній: приблизительно одинаковы у Ренана и Берсье, Штрауса и Навиля, ученыхъ ультрамонтанистовъ и Владиміра Гетте, и однако ихъ ученія диаметрально противоположны. Выясненіе этого обстоятельства имѣетъ великую практическую важность. Если мы опредѣлимъ всѣ тѣ условія, которыя однихъ привели къ истинѣ, а другихъ къ заблужденію, то очевидно, мы будемъ ясно представлять себѣ, какъ должно дѣйствовать, чтобы разсѣивать вторыя и способствовать распространенію первой. Высшая истина, доставляющая человѣку обладаніе высшимъ благомъ, есть истина религіозная. Обладаніе этой истиной называется религіозной вѣрой. Мы обладаемъ этой истиной и это налагаетъ на насъ обязанность и принуждаетъ насъ дѣлиться ею съ другими. Религіозная истина есть такое богатство, которое—вопреки основнымъ теоремамъ математики—тѣмъ болѣе увеличивается у обладателя ея, чѣмъ болѣе число лицъ онъ ее отдаетъ. Но какъ дѣлиться этой истиной съ другими, когда эти другіе не хотятъ отъ насъ ее брать? Какъ? Очевидно, если мы выяснимъ себѣ, какія причины дѣлаютъ человѣка обладателемъ религіозной истины, или—иначе—какія причины возбуждаютъ въ человѣкѣ религіозную вѣру, то мы тогда выяснимъ себѣ и то, какъ должны дѣйствовать мы, чтобы возбуждать таковую вѣру въ нашихъ ближнихъ. Выясненію условій, возбуждающихъ въ человѣкѣ религіозную вѣру, я и посвящаю мое настоящее чтеніе.

Подъ вѣрою вообще въ общежитіи разумѣется признаніе истиннымъ неочевиднаго и недоказаннаго, причемъ это признаніе можетъ направляться и на настоящее и на будущее. (Я вѣрю, что такой то человѣкъ хорошъ, но не умѣю доказать этого. Еслибы я умѣлъ это доказать, то я долженъ бы былъ сказать, что я знаю, что такой то человѣкъ хорошъ. Я вѣрю, что изъ такого то человѣка можетъ выйти замѣчательный ученый, но моя вѣра можетъ оставаться единичной, потому что она не опирается на доказательства). Такимъ образомъ вѣра противоположна знанію, какъ признанію чего-либо истиннымъ на основаніи достаточныхъ данныхъ. Принимая однако во вниманіе, что всякая вѣра, между прочимъ, имѣетъ для себя и какія-либо теоретическія и практическія основанія, съ другой стороны, что трудно найти знаніе, утверждающееся на непоколебимомъ основаніи, мы должны признать, что во всякомъ знаніи есть элементъ вѣры и во всякой вѣрѣ есть элементъ знанія, и что вѣра постепенно можетъ переходить въ знаніе. Подъ вѣрою религіозною разумѣется признаніе дѣйствительнымъ сверхъестественнаго. Такимъ образомъ вѣра религіозная, будучи сходна съ вѣрою обыденною въ томъ, что та и другая представляютъ собою признаніе истиннымъ неочевиднаго и недоказаннаго, въ тоже время и отличается отъ вѣры обыденной по тому объекту, на который она направлена. Объектъ религіозной вѣры есть сверхъестественное. Подъ именемъ сверхъестественнаго мы разумѣемъ то, что не можетъ быть продуктомъ условій и законовъ, дѣйствующихъ или предполагаемыхъ дѣйствующими въ томъ бытіи, часть котораго мы составляемъ. Такимъ образомъ признаніе сверхъестественнаго предполагаетъ собою признаніе существованія свободной внѣміровой Творческой Силы или нѣсколькихъ такихъ силъ, которыя могутъ по своей волѣ измѣнять естественный ходъ событій въ нашемъ мірѣ. А такъ какъ причиною, побуждающею Внѣміровую Силу вводить измѣненія въ міровой порядокъ, могутъ быть только нестроенія въ мірѣ и такъ какъ, еслибы міръ былъ исключительно созданіемъ Высшей Силы, то въ немъ не могло бы быть нестроеній, то поэтому предположеніе о существованіи Высшей Силы, поправляющей міровой порядокъ, влечетъ за собою предположеніе о существованіи свобод-

ныхъ конечныхъ тварей, по неразумію или сознательно разрушающихъ этотъ порядокъ. Вѣра въ сверхъестественное есть, слѣдовательно, прежде всего вѣра въ существованіе Свободнаго Творца и въ существованіе свободы у созданныхъ Имъ тварей. Эта вѣра можетъ имѣть различныя степени и различный характеръ, можетъ принимать иногда уродливыя формы, но за всѣмъ тѣмъ она присуща всему человѣчеству. У дикарей и дѣтей она принимаетъ неумѣренно фантастическіе размѣры и они почти всѣ происходящія явленія подводятъ подъ родъ сверхъестественныхъ, многіе ученые повидимому совсѣмъ отрицаются отъ этой вѣры, но если разсмотрѣть внимательно, то окажется, что и они имѣютъ ее хотя и въ очень скудныхъ размѣрахъ. Они говорятъ, что признаніе сверхъестественнаго стоитъ въ несогласіи съ двумя житейскими и научными принципами, что всякое явленіе имѣетъ причину, и что причина всегда равна своему слѣдствію. Но хотя они это говорятъ, они въ тоже время постоянно признаютъ, что могли бы поступать не такъ, какъ поступаютъ, а иначе, слѣдовательно, признаютъ, что ихъ дѣйствія не необходимое слѣдствіе существующихъ причинъ, затѣмъ, отказываясь признать твореніе матеріи вѣтвировою Всемогущею Силою, признаютъ ея вѣчное безпричинное существованіе. Далѣе, еслибы они закотѣли отъ многихъ признаваемыхъ ими положеній вывести до ихъ основаній, то увидѣли бы, что въ основаніи ихъ лежитъ предположеніе о Творцѣ, свободно направляющемъ къ совершенствованію свободныя твари, и что исключительно на этой вѣрѣ зиждется все то, что въ ихъ дѣлахъ есть дѣйствительно плодотворнаго и полезнаго. Многіе изъ нихъ искренно служатъ добру, но это служеніе всецѣло опирается на признаніе объективнаго характера добра и на вѣру въ возможность торжества добра въ будущемъ. Но такое признаніе и такая вѣра, какъ показываютъ намъ размышленіе и анализъ, могутъ утверждаться лишь на вѣрѣ въ Высшую Благую Силу и въ свою личную свободу. Такъ вѣра въ сверхъестественное есть общечеловѣческая вѣра, она есть, слѣдовательно, прирожденное свойство человѣческаго духа. Какъ вѣра религіозная она проявляется и въ области разума и въ области чувства. Въ области разума она выражается признаніемъ бытія

Творца и своей зависимости отъ Него, въ области чувства она выражается непосредственнымъ чувствованіемъ бытія Творца, такъ сказать, внутреннимъ ощущеніемъ Его бытія и непосредственнымъ чувствованіемъ своей зависимости отъ Него, т. е. въ области сердца эта вѣра выражается особымъ душевнымъ настроеніемъ—чувствомъ любви и благоговѣнія къ Творцу, чувствомъ преданности. Ему и зависимости отъ Него. Переходя изъ сферы разума и чувства въ область воли, эта вѣра является вѣрностью Творцу. Будучи присоединеннымъ свойствомъ человѣческаго духа, религіозная вѣра однако часто не проявляется въ челоѣкѣ или принимаетъ уродливыя и ошибочныя формы. Причинъ для этого много. Во 1) для того, чтобы способность къ истинной вѣрѣ или къ истинной религіи открылась, нужно, чтобы религіозная истина была открыта челоѣку. Но эта истина не лежитъ открытою въ мірѣ и ее невозможно рассмотреть за скрывающими ее міровыми явленіями. Истина, слѣдовательно, должна быть открыта челоѣку отънѣ. Во 2) для того, чтобы эта истина была принята челоѣкомъ за истину, а не за заблужденіе, нужно, чтобы она явилась имѣющею для себя основанія: она можетъ представиться челоѣку бездоказательной, она—далѣе—можетъ показаться челоѣку и непривлекательною, потому что подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и презъ самоопредѣленія своей воли онъ можетъ воспитать въ себѣ чувства и наклонности, находящіяся въ полной противоположности съ требованіями истинной религіи. Нужно, слѣдовательно, воздѣйствіе благоприятныхъ условій, воздѣйствіе нѣкоторыхъ факторовъ на челоѣка, которые бы возбудили религіозную вѣру въ челоѣкѣ. Объ этихъ факторахъ я и буду говорить.

Я раздѣляю факторы, приводящіе челоѣка къ вѣрѣ, на два рода: во 1) на факторы, дѣйствующіе съ необходимостію, во 2) на факторы, дѣйствующіе свободно. Факторы перваго рода суть: 1) теоретическія и фактическія доказательства истинности религіозныхъ положеній; 2) психическая настроенность лица или лицъ, излагающихъ истины вѣры; 3) психическая настроенность лица, учащагося истинамъ вѣры; 4) среда, въ которой находится убѣждаемое лицо. Факторы втораго рода суть: 1) свободная воля лица, слушающаго истины вѣры, и 2) Божественная благодать.

Перехожу къ выясненію сущности и значенія каждаго изъ этихъ факторовъ.

1.

Прежде всего будемъ говорить о значеніи существующихъ и предлагающихся доказательствъ религіозныхъ истинъ. Въ логикахъ обыкновенно отводится мало мѣста разсужденію о доказательствахъ. Сущность того, что говорится о нихъ, сводится къ слѣдующему. Доказательство есть выводъ истины одного сужденія изъ истины другаго. Прямое доказательство выводитъ истину положенія изъ посылокъ, истинность которыхъ доказана раньше. Косвенное доказательство показываетъ ложь положенія противорѣчащаго доказываемому. Вообще доказать что-либо значитъ показать, что это что-либо есть несомнѣнное слѣдствіе какихъ-либо несомнѣнныхъ истинъ. Нетрудно видѣть, что существуетъ очень мало доказательствъ, удовлетворяющихъ данному опредѣленію и что на практикѣ приходится довольствоваться гораздо меньшимъ. Даже и математическія доказательства лишь съ грѣхомъ пополамъ удовлетворяютъ требованіямъ, предъявляемымъ къ доказательствамъ логикой. Это лучше всего можно видѣть въ геометріи. Во 1) такъ называемыя аксіомы геометріи—съ точки зрѣнія логики—не суть несомнѣнныя истины. Положеніе, что прямая линия есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, можетъ быть оспариваемо. Можно составить и представить себѣ протяженіе иначе, чѣмъ оно представляется обыкновенно и можно допустить, что возможно перейти изъ одной точки въ другую, не проходя посредствующаго пространства. А разъ такая возможность не опровергнута, то слѣдовательно всѣ предположенія геометріи Евклида не доказаны. Во 2) извѣстно, что въ геометріи есть положеніе, на которомъ утверждается почти вся геометрія и которое не признается очевиднымъ и ни кѣмъ не доказано. Это — XI аксіома Евклида (если имѣются двѣ прямыя и одна изъ нихъ перпендикулярна къ третьей, а другая не перпендикулярна, то эти прямыя при продолженіи пересѣкутся). Изъ этого слѣдуетъ, что самое большее, чему могутъ удовлетворять геометрическія доказательства, это то, что они являются

несомнѣнными выводами изъ положеній, которыя намъ *кажутся* истинными. Что сказано о математикѣ, то еще съ большимъ правомъ должно сказать о механикѣ. Основная теорема, на которой зиждется все зданіе механики, именно теорема о параллелограммѣ силъ признается неимѣющею строгаго доказательства. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, справясь въ любомъ курсѣ механики. Но если доказательства математики и механики могутъ быть названы несомнѣнными выводами изъ вѣроятныхъ положеній, то доказательства, употребляемыя въ другихъ наукахъ, должно признать, не удовлетворяють и этому опредѣленію. Въ доказательствахъ, кромѣ математическихъ, употребляемыхъ такъ въ наукѣ, такъ и въ дѣйствительной жизни, суть лишь вѣроятные выводы изъ вѣроятныхъ положеній. Причемъ основанія въ пользу вѣроятности являются тѣмъ меньшими, чѣмъ сложнѣе обсуждаемый предметъ. Въ наукахъ о матеріи (физика, химія, минералогія) эта вѣроятность приближается къ единицѣ, въ наукахъ біологическихъ (ботаника, зоологія) она колеблется около половины и въ наукахъ социальныхъ должна быть выражена весьма малою дробью. Опредѣливъ это, постараемся разсмотрѣть теперь значеніе доказательствъ въ наукахъ о религіи. Циклу науки о православно-христіанской религіи приходится считаться съ тремя родами возраженій противъ ея истинности и сообразно съ этимъ представлять три рода основаній этой истинности. Возражаютъ противъ возможности, противъ дѣйствительности и противъ желательности того, что утверждаетъ православно-христіанская религія. Возраженія противъ возможности идутъ со стороны логики и гносеологіи, противъ дѣйствительности—со стороны наукъ положительныхъ и историческихъ, противъ желательности—со стороны этики и эстетики.

Мыслители антихристіанскаго направленія говорятъ, что ученіе о тріединномъ Богѣ содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, что ученіе о Богѣ вообще несогласно съ принципами гносеологіи, констатирующей ограниченность и субъективность человѣческихъ познаній, что, далѣе, принципамъ логики и гносеологіи противорѣчатъ ученіе о чудесномъ твореніи изъ ничего, о чудесахъ вообще, о Промыслѣ, о воплощеніи Бога—Слова, затѣмъ говорятъ, что

представляемая Библіею исторія творенія, исторія челоуѣчества и исторія еврейскаго народа, его религіи и происхожденія христіанства не соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ объ этомъ изъ другихъ несомнѣнныхъ источниковъ. Наконецъ, говорятъ, что требованія христіанской религіи не соотвѣтствуютъ этическимъ и эстетическомъ потребностямъ современнаго челоуѣка.

Въ противоположность этому, христіанскій богословъ долженъ доказывать возможность и желательность, а затѣмъ и дѣйствительность того, что утверждается христіанскою религіею, причемъ нетрудно видѣть, что говорить о возможности и желательности гораздо легче, чѣмъ доказывать дѣйствительность того, что утверждается въ источникахъ христіанскаго вѣроученія. Изучать и отыскивать доказательства подлинности священныхъ книгъ, отсутствія обмана и самообмана въ ихъ авторахъ, дѣйствительности описываемаго—есть дѣло, на которое ушло и уйдетъ много, много жизней и которое никогда не будетъ выполнено, какъ слѣдуетъ. Для того, чтобы основательно познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано для этого, нужны десятилѣтія, при такихъ условіяхъ, понятнѣ, очень немногіе имѣютъ возможность основательно и подробно познакомиться съ существующими доказательствами христіанскихъ истинъ. Только немногіе могутъ сказать то, что сказалъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ покойный архіепископъ Никаноръ, что ихъ христіанская вѣра есть знаніе. Да и тѣ немногіе, которые имѣютъ право сказать это, разумѣютъ вѣдь лишь что ихъ христіанская вѣра есть такое же знаніе, какъ знаніе, наприм., историческое или, пожалуй, біологическое, т. е. во всякомъ случаѣ знаніе только вѣроятное. Такимъ образомъ и относительно этихъ людей мы убѣждаемся, что сила являемой ими вѣры имѣетъ своимъ источникомъ не изученіе сохранившихся отрывковъ изъ Кодрата и Папія и не свидѣтельства свв. Іустина и Иринея, а нѣчто иное. Теоретическія соображенія и факты, касающіеся христіанской религіи, имѣютъ главнымъ образомъ отрицательное значеніе: они показываютъ несостоятельность возраженій противъ христіанской религіи, но они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доказываютъ съ достаточною твердостью дѣйствительность или истинность тѣхъ или иныхъ историческихъ

фактовъ или догматовъ, которые утверждаетъ христіанство. Религія—не дифференціальное или интегральное исчисленіе, и доказательства имѣютъ въ ней лишь весьма малое значеніе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія. Въ длинномъ ряду святыхъ подвижниковъ земли русской трудно указать хотя бы одного, который занимался научнымъ изслѣдованіемъ и обоснованіемъ христіанства, и однако вѣра ихъ двигала горы. Припомнимъ свв. Θεодосія Печерскаго и Сергія Радонежскаго. И на западѣ, мы видимъ, лучшими представителями христіанства являются лица, вышедшія вовсе не изъ образованной среды, каковы, наприм., Мартинъ Турскій или Францискъ Ассизскій.

2.

Изъ нашего разсужденія мы имѣемъ право сдѣлать такой выводъ: если кто хочетъ убѣдить кого-либо въ истинности христіанской вѣры, то тотъ не долженъ слишкомъ разсчитывать на логическую силу своихъ аргументовъ. Очень можетъ быть, что его соображеній никто не поколеблетъ и тѣмъ не менѣе, побѣдивъ въ спорѣ, проповѣдникъ христіанской истины рискуетъ остаться единственнымъ ея исповѣдникомъ. Кому не приходилось наблюдать такого явленія, когда какого-либо человѣка начинаютъ разубѣждать въ дорогихъ для него вѣрованіяхъ и онъ не въ силахъ ничего сказать въ защиту своего *profession de foi*, то онъ вмѣсто того, чтобы проникаться предлагаемой ему логической аргументаціей, начинаетъ взирать на своего собесѣдника съ такимъ паническимъ ужасомъ, какъ будто бы тотъ совершаетъ смертный грѣхъ. Не умѣя защищать своихъ вѣрованій, люди не слушаютъ нападеній на эти вѣрованія. Въ доброе старое время князь Андрей Михайловичъ Курбскій совѣтывалъ православнымъ русскимъ не вступать въ споры о вѣрѣ съ протестантами и католиками, такъ какъ русскіе люди не могли привести никакихъ основаній въ пользу своихъ православныхъ вѣрованій. Но можно быть увѣреннымъ, что многіе русскіе, выслушавъ все, что говорили лютеране или латиняне въ пользу своихъ исповѣданій, остались бы такими же православными, какими и были, хотя и не сѣмѣли бы переспорить своихъ против-

никовъ. Для того, чтобы не повѣрить имъ, достаточно сознать въ душѣ, что ихъ доказательства суть лишь доказательства сомнительной возможности. Подобное сознание одно достаточно для самаго добросовѣстнаго раскольника, чтобы не повѣрить увѣщаніямъ миссіонера.

Но что же можетъ предложить миссіонеръ или апологетъ убѣждаемымъ имъ лицамъ кромѣ своихъ доказательствъ, чтобы они убѣдились? Онъ можетъ воздѣйствовать на своихъ слушателей, отвѣтимъ мы, не только своимъ разумомъ, но и своею волею, онъ можетъ внушить имъ безсознательно для самого себя вѣрить въ то, во что вѣрить онъ самъ. Имѣя вѣру, ее можно передавать другимъ. Миссіонеръ просто передаетъ рассказъ о жизни и чудесахъ Господа Иисуса Христа, не приводя никакихъ доказательствъ истинности своего рассказа, и ему вѣрятъ, вѣрятъ прежде всего, потому что вѣрить онъ самъ. То душевное состояніе, которое испытываетъ миссіонеръ, размышляя объ истинѣхъ христіанскаго вѣроученія и объ основателѣ этого вѣроученія Господѣ Иисусѣ Христѣ, элементомъ каковаго состоянія является вѣра, передается его слушателямъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіями внушенія или подражанія: душевная настроенность одного передается другимъ. Изъ исторіи 'распространенія христіанской вѣры мы знаемъ, что проповѣдники христіанства обыкновенно лишь предлагали вниманію слушателей христіанскія истины, но не доказывали ихъ. Такъ обыкновенно поступали святые апостолы. Припомнимъ хотя бы знаменитую рѣчь св. Павла въ аѳинскомъ ареопагѣ. Если иногда святые апостолы ссылались на исполненіе пророчествъ на Иисусѣ Христѣ, то не это было краеугольнымъ камнемъ ихъ рѣчи. Въ день сошествія Святаго Духа на апостоловъ обратились ко Христу 3000 человекъ, не потому, что исполнилось пророчество Іоіиля, но потому что состояніе духа первыхъ христіанъ, за столѣтія предреченное пророкомъ воздѣйствовало на массу, передавалась массѣ и такъ какъ элементомъ этого душевнаго состоянія была вѣра, то эта вѣра и сдѣлалась достояніемъ массы. Однако хотя увѣровали тогда и 3 тысячи изъ слушавшихъ св. ап. Петра, увѣровали не всѣ слушавшіе. Очевидно, душевная настроенность говорившаго апостола не въ равной степени передавалась его слушателямъ и мо-

жетъ быть нѣкоторымъ не передалась совѣмъ. Безъ сомнѣнія ни у кого изъ пришедшихъ изъ Киликіи и Асіи не совершилось того высокаго подъема духа, который былъ у апостола, но у каждаго духъ поднимался отъ земли по мѣрѣ того, насколько онъ раньше былъ подготовленъ къ принятію небеснаго. Такимъ образомъ возникновеніе религіозной вѣры у слушающихъ истины вѣры обуславливалось и обуславливается душевною настроенностію самого слушающаго. Но лицо слушающее кромѣ воздѣйствія со стороны говорящаго подвергается еще воздѣйствію со стороны всѣхъ лицъ окружающихъ — воздѣйствію со стороны среды. Среда съ своей стороны стремится настроить на свой ладъ каждаго изъ находящихся въ ней. Извѣстный современный социологъ Тардъ опредѣляетъ общество, какъ подражаніе. Каждый изъ членовъ общества въ своихъ мысляхъ и поступкахъ является подражающимъ другимъ членамъ. Подобную же мысль въ примѣненіи къ человѣку и животнымъ развилъ ранѣе Уоллэсъ въ своемъ трактатѣ „о естественномъ подборѣ“. Оба названные ученые, будучи правы въ нѣкоторой мѣрѣ, не останавливаютъ своего вниманія на томъ, что члены человѣческаго общества являются не только продуктомъ своего общества (тогда бы не было прогресса), но каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто индивидуальное и стремится внести въ общество что-нибудь свое, причемъ общество можетъ оказывать на него не только притягивающее и подчиняющее, но и отталкивающее вліяніе. Это психическое взаимоотношеніе лица, возвѣщающаго религіозныя истины, лица, слушающаго ихъ, и окружающей среды можно представить въ слѣдующей схемѣ. Пусть проповѣдникъ будетъ А, лицо, слушающее проповѣдь — В, среда — С. Воздѣйствіе А на В можетъ быть не только положительнымъ, но и отрицательнымъ, не только привлекающимъ, но и отталкивающимъ, воздѣйствіе С на В можетъ быть тоже и положительнымъ и отрицательнымъ, отношенія А и С могутъ быть и отношеніями сходства и отношеніями противоположности. Отсюда мы видимъ, что взаимодѣйствія А и С на В могутъ представлять, говоря языкомъ алгебры, очень сложную функцію, особенно имѣя въ виду, что А, В и С сами по себѣ очень сложны. Приведемъ поясняющіе примѣры. На сенатора Апполонія; совре-

менника Коммода, воздѣйствовали дурное римское и хорошее, христіанское общество: первое его отталкивало отъ себя своими качествами, второе привлекало, и поэтому воздѣйствіемъ этихъ двухъ противоположныхъ обществъ онъ можетъ быть былъ приведенъ къ истинѣ скорѣе, чѣмъ воздѣйствіемъ одного христіанскаго общества. Отрицательная сила, дѣйствующая отрицательно, становится такимъ образомъ положительной. Съ другой стороны и положительная сила при неблагопріятныхъ условіяхъ можетъ дѣйствовать отрицательно. Человѣкъ добродѣтельный своею личностью является обличеніемъ человѣка порочнаго и можетъ возбудить въ послѣднемъ противъ себя злобу и ненависть и такимъ образомъ усилить его порочность. Евреи и избиваемые ими пророки, Иродіада и Іоаннъ Креститель свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ, Иногда воздѣйствіе А на В можетъ представлять странное явленіе раздвоенія. Положимъ какая-либо апологетическая статья (допустимъ, одна изъ сварливыхъ статей Генгстенберга) написана очень убѣдительно, но въ тоже время обнаруживаетъ въ авторѣ злобу, раздраженіе и стремленіе главнымъ образомъ къ побѣдѣ въ спорѣ, а не къ выясненію истины. Представимъ себѣ, что эту статью читаетъ человѣкъ въ родѣ Литра — невѣрующій, но добрый. Какое впечатлѣніе произведутъ на него слова истины, произносимыя злымъ языкомъ? Очевидно, они будутъ вмѣстѣ и привлекать и отталкивать его.

Фактъ психическаго взаимодѣйствія людей несомнѣненъ и очень сложенъ. Современные психофизиологи пытаются объяснить его матеріалистическимъ образомъ. Въ своихъ разсужденіяхъ они исходятъ изъ принципа, который въ началѣ истекающаго столѣтія защищала одна почти забытая ученая женщина-философъ и математикъ — Софья Жермень. Въ своемъ сочиненіи „объ аналогіи законовъ“ она настаивала на томъ положеніи, что законы, управляющіе различными группами физическихъ и психическихъ явленій, аналогичны. Это положеніе къ обсуждаемому факту наши психофизиологи примѣняютъ слѣдующимъ образомъ: они устанавливаютъ аналогію между явленіями психическаго взаимодѣйствія и индуктивнаго электричества и разсуждаютъ такъ. Въ области электрическихъ явленій мы наблюдаемъ слѣдующее: если черезъ проволоку провести гальваническій

токъ и въ нѣкоторомъ разстояніи провести другую изолированную проволоку, то токъ въ первой проволоцѣ возбуждаетъ токъ во второй. Это называется электризованіемъ черезъ индукцію (на этомъ началѣ основано и устройство новаго эдиссоновскаго телеграфа безъ проволоки) и объясняется слѣдующимъ образомъ. Когда возбуждается токъ въ первой проволоцѣ, то движеніе тока возбуждаетъ въ окружающей средѣ особое сотрясеніе эфира, это сотрясеніе эфира передается другой проволоцѣ и приводитъ въ ней эфиръ въ то колебательное состояніе, которое обнаруживается какъ электрическій токъ. Отъ стальныхъ проволокъ перейдемъ къ человѣку. Каждому психическому состоянію человѣка соотвѣтствуетъ особое своего рода электрическое состояніе его нервовъ, каждое измѣненіе перваго неизбѣжно сопровождается соотвѣтствующими измѣненіями въ молекулярномъ состояніи вторыхъ. Каждое состояніе нервовъ должно такъ или иначе отражаться на состояніи окружающаго ихъ міроваго эфира и состояніе эфира должно воздѣйствовать на нервы другихъ лицъ. Теперь; если всякому психическому состоянію соотвѣтствуетъ извѣстное состояніе нервовъ, то и наоборотъ измѣненіе въ состояніи нервовъ должно вызывать соотвѣтствующее измѣненіе въ психическомъ состояніи человѣка. Здѣсь предполагается полное взаимодѣйствіе: психическое состояніе А вызываетъ нервное состояніе В и наоборотъ нервнымъ состояніемъ В вызывается психическое состояніе А. Между явленіями психическими и электрическими проводить аналогію дальше, изслѣдуютъ условія явленія электрической индукціи, условія образованія прямыхъ и обратныхъ токовъ, размѣры электрическаго поля, значеніе проводящей среды, находятъ полное подобіе всему этому въ явленіяхъ душевныхъ и такъ объясняютъ факты внушенія, отгадыванія мыслей, подражанія и т. д. Нѣкоторые мыслители христіанскаго направленія пытаются принимать эту гипотезу, вводя въ нее нѣкоторыя ограниченія; они принимаютъ, что между душевными состояніями и вызывающими ихъ нервными состояніями нѣтъ полной эквивалентности и что душевными состояніями, кромѣ внѣшнихъ воздѣйствій, управляетъ еще и свободное начало. Но я не сторонникъ этой гипотезы даже и въ ея исправленномъ видѣ. Лучше сознаться въ неумѣннѣ объяснить фактъ, чѣмъ до-

вольтствовать его плохимъ объясненіемъ. Исслѣдуемый же нами фактъ во всей его совокупности состоитъ въ слѣдующемъ. Во 1) признаніе какимъ-либо лицомъ тѣхъ или иныхъ положеній истинными часто зависитъ главнымъ образомъ не отъ тѣхъ основаній, какія приводятся въ пользу ихъ истинности, а отъ соответствія этихъ положеній съ психическою настроенностію этого лица. Православно-христіанская истина сама по себѣ должна находиться въ полной гармоніи съ настроенностію нормальнаго человѣка, но человѣкъ не нормаленъ, испорченъ, развращенъ, его умственный взоръ неясенъ, потому что его сердце нечисто, и мы понимаемъ теперь, что истина различнымъ лицамъ кажется различною не потому только, что они смотрятъ на нее съ различныхъ сторонъ, но и потому что они смотрятъ на нее различными глазами. Во 2) исслѣдуемый нами фактъ состоитъ въ томъ, что психическая настроенность однихъ лицъ вліяетъ на настроенность другихъ и передается этимъ другимъ. Дѣти усваиваютъ убѣжденія и вѣрованія своихъ родителей безсознательно, можно сказать, въ значительной мѣрѣ путемъ внушенія. Вообще люди съ болѣе сильною волею вліяютъ на людей съ волею менѣе крѣпкою; слѣдовательно, для того, чтобы мы могли вліять на другихъ, мы должны стремиться укрѣплять нашу волю, а для того, чтобы наше вліяніе на другихъ было желательно, нужно, чтобы настроенность наша была доброю, чтобы она соответствовала исповѣдуемымъ нами православнымъ убѣжденіямъ, тогда, разъ эта настроенность будетъ предаваться другимъ, она будетъ дѣлать этихъ другихъ способными къ усвоенію православныхъ убѣжденій. Это приводитъ насъ къ тому, можетъ быть и тривиальному, но всегда важному выводу, что нравственные качества учителя истины имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ его умственная сила.

3.

Мы признали такимъ образомъ въ изложенномъ факторахъ, содѣйствующихъ возникновенію вѣры въ комъ-либо: 1) доказательства истинъ вѣры, 2) нравственную личность излагающаго истины вѣры, 3) настроенность лица, принимающаго эти истины и 4) окружающую среду. Но всѣ эти

факторы, скажемъ мы теперь, не родятъ въ человѣкѣ вѣры, если не при дѣйствіи двухъ иныхъ: свободной воли человека и божественной благодати. Вѣра, по ученію православной Церкви, является въ человѣкѣ слѣдствіемъ синергизма—совмѣстнаго дѣйствія благодати и свободы. Никакая сила не заставитъ человѣка вѣрить, если онъ не захочетъ. *Caetera potest facere homo nolens, credere nisi non volens*, говоритъ блаженный Августинъ. Вѣра, слѣдовательно, можетъ явиться въ человѣкѣ лишь при условіи его свободнаго самоопредѣленія себя къ вѣрѣ. Детерминисты возражаютъ намъ, что актъ самоопредѣленія будетъ въ данномъ случаѣ результатомъ воздѣйствія всѣхъ перечисленныхъ нами факторовъ. Нѣкоторые изъ сторонниковъ теорій свободной воли, затемнившіе понятіе свободы, скажутъ тоже самое. Но мы не послѣдуемъ за ними. Всѣ перечисленные выше факторы могутъ лишь возбудить въ человѣкѣ нѣкоторую расположенность въ вѣрѣ или стремленіе къ вѣрѣ, но вполне находится въ волѣ человѣка—противиться или идти на встрѣчу этому стремленію. Рѣшеніе человѣка: я долженъ вѣрить или я не долженъ вѣрить не есть необходимое слѣдствіе изъ того, что пережито и передумано человекомъ. Это рѣшеніе есть свободный актъ. А свобода воли человѣка состоитъ въ томъ, что изъ толпящихся въ душѣ желаній *a, b, c, d, e, f* и находящихся въ разумѣ мыслей *g, h*, не имѣющихъ никакого отношенія къ этимъ желаніямъ, человекъ можетъ въ своей душѣ постановить рѣшеніе осуществить или мысль *g* или *h*, съ которыми у него вовсе не было связано желаніе ихъ исполненія, или какое бы то ни было изъ желаній *a, b, c, d, e, f*, независимо отъ того, что одни изъ этихъ желаній сильнѣй и другія—разумнѣе онъ можетъ выбрать слабѣйшее и неразумнѣйшее и искать какихъ-нибудь основаній для его рѣшенія значить отрицать свободу воли. Если скажутъ, что выбранное имъ для исполненія желаніе *f* неизбежно должно было быть выбрано, потому что оно сильнѣйшее или потому что оно разумнѣйшее, то такимъ разсужденіемъ будутъ отрицать его свободу воли. Свобода человѣческой воли есть способность творческая; человекъ не можетъ творить изъ ничего, но въ дѣлѣ управленія созданнымъ физическимъ и психическимъ матеріаломъ онъ является не просто передаточнымъ механизмомъ

между первоначальною причиною и конечнымъ результатомъ. но свободнымъ устройтеlemъ, нѣкотораго рода диміургомъ. Такъ понимаемъ мы свободу воли. Не трудно показать, что именно таковою ее предполагаетъ и религія, ибо только при такомъ пониманіи ея отвѣтственность челоуѣка за свои дѣянія является имѣющею смыслъ. Если челоуѣкъ по необходимости подчиняется сильнѣйшему изъ находящихся въ его душѣ въ данный моментъ желаній, то въ такомъ случаѣ съ него должна быть снята всякая отвѣтственность за свои дѣянія. Если когда грѣховное желаніе и желаніе не дѣлать грѣха столкнутся и борются между собою въ душѣ челоуѣка, и челоуѣкъ не можетъ безъ внѣшней причины и воздѣйствія подавить одно изъ нихъ и осуществить другое, то онъ несвободенъ. Такое ученіе о свободѣ воли принимаетъ обыкновенный здравый челоуѣческій смыслъ, такой взглядъ на свободу воли предполагаетъ религія. Когда Господь Іисусъ Христосъ говорилъ отцу бѣсноватаго ребенка, чтобы онъ вѣровалъ, когда Господь требовалъ вѣры отъ Ѳомы, когда онъ говорилъ женщинѣ омывшей миромъ его ноги, что ея вѣра спасла ее, очевидно, онъ разумѣлъ ту вѣру, которая является плодомъ свободного самоопредѣленія, а не актомъ роковой необходимости. Не можетъ челоуѣку вмѣниться въ праведность то, что зависитъ не отъ самаго челоуѣка. Могутъ возразить конечно, что такое пониманіе свободы воли стоитъ въ противорѣчій съ требованіями логики и данными дѣйствительности. Я не имѣю времени подробно опровергать эти возраженія и ограничусь относительно нихъ слѣдующими короткими замѣчаніями. Что касается до данныхъ дѣйствительности, то они могутъ показать и дѣйствительно показываютъ лишь ограниченность свободы, а не ея отсутствіе. Еслибы и на самомъ дѣлѣ свободы не было, то для того, чтобы константировать это, нужны невозможно точные инструменты и невозможно талантливые наблюдатели, но невозможнаго не существуетъ и отсутствіе свободы никогда не можетъ быть открыто. То теоретическое соображеніе, что признаніе нѣкоторыхъ дѣйствій свободными есть признаніе ихъ безпричинными, основано на недоразумѣніи. Мы не отрицаемъ причину свободныхъ дѣйствій, мы только признаемъ, что въ свободныхъ дѣйствіяхъ причина и слѣдствіе являются въ новомъ свое-

образномъ сочетаніи. Богъ не есть непосредственная причина нашихъ дѣйствій, но Онъ есть причина нашей способности производить эти дѣйствія. Способность самоопредѣленія есть фактъ, имѣющій для себя причину въ Богѣ, но каждый отдѣльный актъ самоопредѣленія есть фактъ, имѣющій для себя конечную причину въ нашемъ „я“. Предположить существованіе такой свободы—кромѣ непосредственного сознанія — обязываютъ насъ самая идея бытія и идея нормальнаго. Если мы представимъ себѣ бытіе въ видѣ громаднaго механизма, въ которомъ каждое отдѣльное явленіе есть необходимое слѣдствіе другаго и необходимая причина третьяго, то тогда все бытіе явится для насъ въ сущности чѣмъ то призрачнымъ. чѣмъ то въ родѣ индійскаго маія, бытіе будетъ тогда лишь тѣмъ, что въ механикѣ называютъ передаточнымъ механизмомъ съ тою лишь особенностію, что этому громадному механизму некому и не для чего передавать свою силу. Для разумныхъ существъ явленія, совершающіяся съ необходимостію имѣютъ значеніе постольку, поскольку они совершаются для существъ свободныхъ. И если мы выкинемъ понятіе свободы за бортъ существующаго, то тогда все бытіе потеряетъ характеръ разумности, а все намъ извѣстное, какъ существующее, потеряетъ характеръ дѣйствительности. Наше „я“ со всѣми присущими ему способностями представится намъ тогда какъ функція, производимая частію намъ извѣстными, частію неизвѣстными причинами и совершенно подобною такому явленію, какъ бѣлый цвѣтъ, который есть функція эфирныхъ волнъ различной длины. На самомъ дѣлѣ мы и можемъ встрѣтить въ современной психологіи ученіе о нашемъ „я“ какъ нѣкоей сложной функціи, какъ равнодѣйствующей ощущающихъ силъ, но всякая равнодѣйствующая сила имѣетъ лишь бытіе фиктивное, призрачное, слѣдовательно, таковое же бытіе имѣетъ и наше „я“. Само собою понятно, что если наше „я“ не есть реальность, то тѣмъ болѣе не можетъ быть признана реальностію вся обширная область „не я“. Это группа феноменовъ. Все существующее есть лишь нѣчто призрачное, такъ мы придемъ къ крайнему феноменализму и если мы не хотимъ придти къ такому результату, то должны отвергнуть наше предположеніе о существованіи въ мірѣ одной только необходимости. Мы

должны отрицать господство этой необходимости и во имя присущаго намъ этического стремленія раздѣлять явленія на нормальныя и ненормальныя, желательныя и нежелательныя, добрыя и злыя. Ненормальнаго и безнравственнаго не должно бы было быть, о немъ нечего бы было говорить, еслибы въ мірѣ царила только необходимость, Страданія, болѣзни, скорби являлись тогда бы необходимыми нормальными элементами существующаго. Весь путь жизни человѣка отъ перваго болѣзненнаго крика при рожденіи до мучительной предсмертной агоніи въ старости, весь этотъ путь, исполненный горя и скорбей должно бы было признать нормальнымъ. Человѣчество должно бы было провозгласить тогда культъ совершившихся фактовъ и дѣйствій и намѣренія человѣческія оцѣнивать такъ же, какъ физическія явленія. Мы не говоримъ о нравственной или безнравственной радугѣ, о добродѣтельныхъ минералахъ и т. д., тотъ, кто не признаетъ человѣка свободнымъ, долженъ бы былъ тоже изгнать изъ своего лексикона эти термины, причемъ вопросъ о томъ, откуда же явились у человѣка понятія, ими обозначаемыя, остался бы для него абсолютно неразрѣшимымъ. Но что бы ни говорилъ человѣкъ, какъ бы рѣшительно онъ не утверждалъ, что онъ не свободенъ, что ученіе о свободѣ воли есть вопіющая изъ нелѣпостей, его совѣсть и его сознаніе всегда будутъ свидѣтельствовать противъ него, самъ онъ въ своей жизни будетъ постоянно признавать и мыслить себя и другихъ свободными. Мы уже потому должны признавать человѣка свободнымъ, что не можемъ мыслить его иначе. И.человѣчество признаетъ свободу воли и на этомъ признаніи утверждается нравственная жизнь человѣчества. Самоопредѣленіемъ своей свободной воли человѣкъ долженъ опредѣлить и то, что онъ долженъ вѣрить въ Бога и признать истинными положенія утверждаемыя религіею.

Самоопредѣляя себя стремиться къ вѣрѣ, человѣкъ однако самъ не можетъ дать себѣ вѣры, потому что это бы значило сотворить нѣчто не сущее. Вся совокупность факторовъ, способствующихъ возникновенію вѣры, не рождаетъ въ человѣкѣ вѣру съ необходимостію, человѣкъ свободно рѣшаетъ, что онъ долженъ вѣрить. Но вѣра есть психическое состояніе, есть нѣкоторая душевная настроенность,

которую нельзя получить отвѣтъ изъ наличной дѣйствительности, свобода же человѣка состоитъ лишь въ способности производить свободно рѣшенія и осуществлять ихъ при помощи готоваго матеріала, но не въ способности творить изъ ничего. А такъ какъ имѣющійся подходящий матеріалъ недостаточенъ для того, чтобы создать вѣру, то вѣра подается человѣку свыше, какъ даръ божественной благодати. Никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“ (1 Коринѣ. XII, 3), говоритъ святой апостолъ. Истина этихъ словъ святаго писанія становится намъ понятна послѣ изложеннаго: повѣрить, что Иисусъ есть Господь можно лишь подъ воздѣйствіемъ благодати свыше. Представляющееся возраженіе, что если вѣра въ Бога истиннаго не можетъ произойти естественно, то и вѣра въ боговъ ложныхъ тоже не можетъ возникнуть естественно и вообще всякая вѣра должна быть даромъ свыше и что такимъ образомъ получится, что благодать однимъ сообщаетъ истинное богопознаніе, а другимъ ложное, это возраженіе легко опровергается. Разсматривая и анализируя вѣру вообще, мы находимъ, что она есть только практический постулатъ. Знанія человѣка недостаточны и ему въ своей дѣятельности постоянно приходится опираться на вѣроятныя предположенія, на вѣру, но вѣря, онъ въ тоже время сознаетъ, что вѣра во всѣхъ случаяхъ не есть нѣчто непоколебимое, и онъ всегда готовъ отказаться отъ нея, разъ явятся противоположныя инстанціи; такимъ образомъ эта вѣра вовсе несвязана съ нимъ органически и является въ сущности лишь необходимымъ признаніемъ наиболѣе вѣроятнаго истиннымъ. Что касается до ложныхъ религіозныхъ вѣрованій, то поскольку они ложны, они всегда возникали и будутъ возникать исключительно подъ дѣйствіемъ естественныхъ факторовъ (которые, конечно, въ своихъ цѣляхъ можетъ направлять и духъ злобы) при добровольномъ подчиненіи этимъ факторамъ свободной воли. Религіозныя догматики въ различныхъ лжеученіяхъ возникали такъ же, какъ возникаютъ ошибочныя историческія теоріи и несостоятельныя юридическія догмы. Суевѣрный панический страхъ передъ богами, равно какъ и экстатическое созерцаніе Божества — мы хорошо понимаемъ это — легко возникаютъ подъ воздѣйствіемъ опредѣленныхъ средствъ.

Но если мы остановимся на тѣхъ чертахъ, которыя характеризуютъ истинную вѣру и которыя встрѣчаются и въ вѣрѣ людей, не принадлежащихъ къ церкви, ибо Промыслъ Божій печется не только о пребывающихъ въ Церкви, но и о находящихся за ея оградой; если мы остановимся на такихъ чертахъ, какъ любовь къ Богу, преданность Ему, сердечное умиленіе и радость по Богѣ, то мы никогда не найдемъ опредѣленныхъ и точныхъ причинъ, которыя бы вызвали ихъ. Размышленіе прямо приводитъ насъ къ мысли, что никакихъ такихъ средствъ и нѣтъ, и что мы можемъ лишь желать достигнуть такого состоянія, можемъ стремиться къ нему, но полученіе его зависитъ не отъ насъ.

Такъ заключительнымъ актомъ, вызывающимъ въ чело-вѣкѣ религіозную вѣру, является благодать, но должно оговориться теперь, что и ранѣе того, какъ въ насъ утверждается вѣра, предваряющая Божественная благодать направляетъ насъ къ вѣрѣ. Объ этомъ насъ учитъ Слово Божіе. Тотъ, кто есть первый и послѣдній, говорилъ новозавѣтному тайновидцу: „се стою у двери, и стучу. Если кто услышитъ голосъ мой, и отворитъ дверь, войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною“ (Апокалип. III, 20). Воздѣйствіе предваряющей благодати должны предполагать и мы сами. Житейское море слишкомъ мутно, и его волны слишкомъ часто возмущаются злыми началами, чтобы въ немъ само по себѣ могло возникнуть благоприятное сочетаніе условій, наводящее чело-вѣка на мысль о вѣрѣ. Божественный Промыслъ направляетъ событія — насколько это возможно при нестѣсненіи чело-вѣческой свободы — наилучшими средствами къ наилучшимъ цѣлямъ, и кто хочетъ, тотъ идетъ по этому направленію и, придя къ пониманію вѣры, начинаетъ желать ее и стремиться къ ней и она дается ему свыше.

Мы не пойдемъ далѣе за чело-вѣкомъ, ставшимъ сыномъ вѣры и благодати, но будучи сами таковыми сынами, постав-ляемся теперь на основаніи изложеннаго опредѣлить наши обязанности по отношенію къ тѣмъ, которые еще не имѣютъ вѣры. Чело-вѣкъ, владѣющій религіозной истиной, обязанъ стремиться распространять эту истину и дѣлать дру-гихъ ея обладателями, при этомъ онъ, конечно, долженъ стремиться дѣйствовать такъ, чтобы достигать цѣли наи-

лучшимъ образомъ. Еще съ раннихъ лѣтъ намъ извѣстны тѣ правила и требованія, которыя предлагаются пастырямъ и учителямъ Церкви Христовой и нѣтъ нужды повторять ихъ здѣсь, но въ эти правила, намъ кажется, нужно внести нѣкоторыя дополненія. Во 1) въ этихъ правилахъ мы не нашли доселѣ руководства относительно того, какъ должно дѣйствовать, чтобы перевоспитать мышленіе лицъ, отрицающихся отъ вѣры въ возможность сверхъестественнаго. Руководство въ такомъ дѣлѣ — понятно — очень важно, потому что таковые люди сами руководятъ многими и увлекаютъ за собою многихъ. Во 2) существующія правила опредѣляютъ умственные и нравственные качества и образъ поведенія служителя религіи, но ничего не говорятъ о томъ, какъ должны дѣйствовать совмѣстно учителя религіозной истины, не предписываютъ правилъ коллективной дѣятельности. Между тѣмъ и разсмотрѣніе факторовъ, способствующихъ образованію вѣры, и историческія данныя показываютъ, что въ этомъ дѣлѣ можетъ быть плодотворною дѣятельность людей заурядныхъ лишь, когда она будетъ коллективною. Всякій учитель религіозной истины обыкновенно своихъ послѣдователей дѣлалъ и своими сотрудниками. Въ противномъ случаѣ исключительно индивидуальная дѣятельность даже и при громадныхъ душевныхъ силахъ можетъ имѣть мало результатовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, припомнимъ о дѣятельности св. Іоанна Златоуста въ Константинополѣ. Политикоэкономическій принципъ, что наилучшіе результаты достигаются при соединеніи силъ и раздѣленіи труда, долженъ бы быть во всемъ объемѣ приложенъ и къ области теоретическаго и практическаго богословія и пастырской дѣятельности, но онъ доселѣ получилъ въ теоріи еще незначительное раскрытіе. Подробное изслѣдованіе факторовъ, производящихъ вѣру, должно послужить основаніемъ для выработки нормъ, которыми должно руководиться въ дѣлѣ приведенія къ вѣрѣ.

Это мы замѣтили относительно тѣхъ, на обязанности которыхъ лежитъ приводить къ вѣрѣ. Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію условій жизни тѣхъ культурныхъ обществъ, вѣра въ которыхъ почти исчезла и имѣя въ виду факторы, производящіе вѣру, мы позволимъ себѣ высказать нѣкоторыя свѣтлыя ожиданія. Намъ кажется, что въ будущемъ

условія жизни этихъ обществъ будутъ болѣе благопріятны для приведенія ихъ къ вѣрѣ. Прикладныя техническія науки развиты теперь въ такой степени, что, благодаря имъ, могутъ быть удовлетворены не только насущныя потребности всѣхъ, но и стремленія къ комфорту и роскоши. Въ общемъ теперь господствуетъ перепроизводство продуктовъ, а не ихъ недостатокъ. Если же мы теперь на каждомъ шагу встрѣчаемся съ нищетою и матеріальными нуждами, то это объясняется неправильнымъ распредѣленіемъ рабочихъ силъ и вообще неумѣньемъ людей установить у себя правильныя взаимныя отношенія. Современные юристы и практическіе дѣятели озабочены поэтому теперь выработкою такихъ нормъ, которыя упорядочили бы отношенія между людьми и вслѣдствіе этого сдѣлали бы всѣхъ обладателями достаточнаго количества земныхъ благъ, причемъ этимъ дѣятелямъ по необходимости духъ этихъ нормъ приходится заимствовать изъ Евангелія, хотя, правда, они часто привносятъ въ него и неудобныя примѣси. Во всякомъ случаѣ можно вѣрить, что при ихъ воздѣйствіи формы общежитія будутъ постепенно переустроиваться и утверждаться на новыхъ совершеннѣйшихъ началахъ. Результатомъ этого переустройства будетъ то, что людямъ меньше будетъ нужно думать о завтрашнемъ днѣ и можно будетъ отводить больше времени заботамъ объ удовлетвореніи потребностей духа. Самыя эти потребности по мѣрѣ развитія облагороживаются въ человѣкѣ и потому можно надѣяться, что люди будущаго, имѣя болѣе досуга, будутъ обнаруживать и болѣе интереса къ вопросамъ религіи, отсюда естественно, что они станутъ болѣе способны къ религіознымъ воздѣйствіямъ. Нужно будетъ только, чтобы были воздѣйствователи. Будемъ думать, что они будутъ. Человѣку свойственно жить надеждой на лучшее и я живу этой надеждой.

Сергій Глаголевъ.
